

деятельности с потребностями военно-исторической ситуации. Только став на такую точку зрения, мы можем понять, почему Петру понадобилось так резко изменить первоначальный текст знаменитого рассказа о шляпе, простреленной у него на голове. Привожу обе редакции:

Первоначальная

Ибо его величество в том случае свою храбрость, великодушие, и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своей высокой особе, в вышнем градусе показал и при том шляпа на нем пулею прострелена.¹⁰⁸

Новая

Ибо его величество в том нужном случае за людей и отечество не щадя своей особы поступал как добродушному приводцу надлежит, где на его голове шляпа пулею прострелена.¹⁰⁹

В первоначальном тексте дана оценка воинского искусства и личной храбрости Петра. В новой редакции сказано, что он действовал «как... надлежит», т. е. выполнял свой долг, такой же обязательный для него — «доброту приводца», как обязателен этот долг для каждого солдата, но введена еще и особая мотивировка понимания масштабности его полководческого долга. Ибо если солдат отвечает только за себя, то долг царя-полководца диктуется сознанием двойной ответственности «за людей и отечество». А простреленная на нем шляпа оказывается уже лишь частным, второстепенным эпизодом.

При оценке поступков и полководческих решений Петра в «Гистории» единственным критерием результативности является их соответствие принципам разума и науки. Тем самым личность самого царя приобретала в «Гистории» определенные очертания, впервые выступала именно как личность, историческая ценность которой и будущая слава, благодарность потомков определяются только делами, способностью осмыслить политическую или военную ситуацию и принять правильное решение.

Н. К. Михайловский в своем отклике на юбилей Петра писал в 1872 г.: «Еще философия XVIII века, еще первая революция работали все над тем же односторонним усилением личного начала... Петр и предвидеть не мог ничего подобного. Но Петр точно чутьем понимал опасность некоторых сторон исключительно личного начала». Отсюда убеждение Михайловского в том, что «вся частная жизнь Петра и вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления в русской истории начала личности не в смысле того направления, которое она приняла отчасти при нем, а в особенности после него в Европе, а в смысле человек-

¹¹¹ Там же.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 9, отд. 1, ед. хр. 20, л. 179 об.